

Иван Александровский

Родился и вырос в Москве в многодетной семье. Окончил Московский государственный агроинженерный университет им. В.П. Горячкина, специальность «инженер-механик». С 1998 по 2001 гг. учился в аспирантуре ГОСНИТИ, к.т.н. Стихотворения печатались в журналах «Наш современник», «Бийский вестник», «Нижний Новгород» и др. В настоящее время живет и работает в Москве.

На чёрных ветвях — ни листочка,
Но воздух, как в школе, звенит,
И каждая, каждая точка
Пространства тебе говорит
О чём-то простом и понятном
Деревьям, земле, валунам
На древнем наречии внятном,
Доступном когда-то и нам.
Верзила к доске без указки
Поставлен за всех отвечать.
Все разом щебечут подсказки,
А я растерялся опять.

Детства сладкое мучение
Кончилось само собой.
Отправлялись на учения,
А попали прямо в бой.

Я урок учил старательно,
Но не понял между строк
То, что срок не испытательный,
А вполне реальный срок.

Эта исповедь никчемная —
Ропот на передовой.
Думал я, что жизнь — учебная,
Оказалась боевой.

Тёмная бабочка с белой каймой,
ты отчего так кружишь надо мной?
Не улетаешь и не садишься,
словно в невидимый купол стучишься.

Грешен я, грешен по вере любой!
Может, мы этим похожи с тобой?
Или ты ловишь за хриплым дыханьем
тяжкие мысли о покаянье?

Или я занял земли лоскуток,
мокрой спиной упав на цветок?

Среди воробьиного гвалта
о скорой и дружной весне
на паузе крикнула галка,
и возглас повис в тишине.

И снова! И некуда деться —
срывается галочий крик.
И в такт ему падает сердце,
как в самый отчаянный миг.

И так неожиданно жалко
становится жизни своей.
Как будто раскрыла гадалка
все «пики» вместо «червей»:
дорога, болезни, печали...

Опомнились воробьи,
и только грачи промолчали
и чистили клювы свои.

Занавес сморщился, тень ожила,
Страшно молчит оркестровая яма.
Над головой дирижёра игла
В нимбе торчит неестественно прямо.

Щёлкают по носу косточки счёт,
Учат, но только никак не научат.
Лава заката на город течёт,
Пепел клубами сбивается в тучи.

Молния плетью хлестнула в окно,
Громом озвучив последнюю цену.
Гибель Помпеи. Комедия. Но
Как мы из зала попали на сцену?

Моей судьбы растительный двойник,
Вороний глаз, зелёный воротник,
Я всё-таки тайком тебя коснулся.

Как мне знаком твой ядовитый взгляд,
Он тот же, что и тридцать лет назад.
Я словно за ключом домой вернулся,

И мы в дверях друг друга узнаём.
Я вижу отражение своё
Как будто в тёмном зеркале прихожей.

И ухожу. И запираю дверь.
Но чувствую, ты смотришь и теперь,
Сквозь двери и года входя под кожу.

У слова сырая начинка
Под сеткой хитиновых букв.
Ты кто, золотая личинка,
Бабочка или жук?

А может — полоска из глины,
Покуда не скатана в шар,
В котором с упорством осиным
Гнездо обустроит гончар.

Будильник, усатый жучище,
под солнечным душем дрожит.
Чужих пробуждений зачинщик —
он после бессовестно спит.

Но звон остаётся, и нечем
его тишине заглушить.
Невидимый этот кузнечик
под кожей небесной зашит.

Звенит в придорожной канаве
размытая зноем струна,
что сон — отражение яви,
и явь — поражение сна.

Улетают плаксивые галки,
Золотая настала пора,
И чужая в саду детвора
Собирает и топчет шпаргалки.

Скок-поскок, деловитая белка,
У неё закрома желудей;
С поздней осенью пусть из людей
Кто-нибудь поиграет в гляделки.

Краткой жизни своей выпускник,
День ушёл, как уходят в разведку.
Солнце прыгает с ветки на ветку,
И листва осыпается с них.

Покорно вдоль подземного перрона
два шарика: лиловый и лимонный,
как будто взявшись за руки, летят,
в тоннель влетают, чёрный и бездонный,
и тают, и вернуться не хотят.

Закрыв глаза, я вижу в темноте
ступени дома, коридоры, двери:
открытые, закрытые и те,
что так подобны мраморной плите —
светлы и тяжелы, как все потери.

За дверью мгла, шершавый коридор,
в конце его белеет дверь другая,
она во тьме, как женщина нагая,
ещё нагая, но уже чужая,
и ни к чему последний разговор.

И ни к чему страданья показные,
любовь обманет, всё равно обманет.
Я сдавливаю яблоки глазные —
и Анненского жёлтые шары,
лиловые и жёлтые шары —
в тумане чёрном, в сумрачном тумане.